Митрополит Иларион: Монашеская традиция в лице своих лучших представителей щедро делилась внутренним богатством с мирянами

29 сентября 2013 года гостем передачи «Церковь и мир», которую ведет на телеканале «Вести-24» митрополит Волоколамский Иларион, стал доктор исторических наук, профессор Высшей школы экономики и Санкт-Петербургского университета Сергей Иванов.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы будем говорить о монашестве. У меня в гостях – доктор исторических наук, профессор Высшей школы экономики и Санкт-Петербургского университета Сергей Иванов. Здравствуйте, Сергей Аркадьевич!

С. Иванов: Здравствуйте! Я хотел бы поговорить с Вами скорее как с ученым, а не как с иерархом. В течение последних 30-40 лет чрезвычайно важным вопросом науки является вопрос о соотношении между греческим, византийским исихазмом и древнерусским монашеством. С легкой руки, с одной стороны, Дмитрия Сергеевича Лихачева, а с другой – о. Иоанна Мейендорфа сложилось уже практически не оспаривающееся мнение, согласно которому традиция византийского мистицизма прямо и непосредственно влияла на современное ему древнерусское монашество, например, на Сергия Радонежского. Мне кажется, что пришло время более внимательно разобраться в этом вопросе и пересмотреть некоторые положения, которые многим кажутся сами собой разумеющимися. С моей точки зрения, источники не дают достаточных оснований видеть прямое влияние такого рода. Было бы странным предполагать, что такое влияние имело место – ведь обстоятельства, в которых существовало монашество в Византии и монашество на Руси, были совершенно разными. Что Вы думаете по этому поводу?

Митрополит Иларион: Я хотел бы, во-первых, пояснить для наших телезрителей, что такое исихазм. Исихазм – это движение в поздневизантийском монашестве, его хронологические рамки очень условно определяют X, XI, XII и XIII веками. Это направление связано с усилением интереса к внутренней духовной жизни, к молитве, в частности, к Иисусовой молитве. Может быть, самая известная сторона исихазма – это практика Иисусовой молитвы, когда монахи непрестанно произносили внутри себя, про себя Иисусову молитву «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий помилуй мя, грешнаго». Для счета употреблялись четки, которые и мы сегодня носим на руке. Здесь 100 узелков, и когда мы произносим Иисусову молитву, мы двигаемся по этим узелкам. Это внешняя сторона. Внутренняя заключается в том, что таким образом византийские монахи-исихасты пытались воплотить в жизнь завет апостола Павла: «Непрестанно молитесь» (1 Фес. 5, 17). Действительно, основные направления этого движения пришли и на Русь. Конечно, можно дискутировать, насколько прямым было это влияние, потому что монашеская традиция передавалась не только и не столько через литературные памятники, сколько через личное общение, через устную традицию от учителей к ученикам. И конечно, наше русское монашество было вписано в эту общую традицию. Хотя прямые связи, как Вы говорите, не всегда очевидны.

С. Иванов: Действительно, литературные связи – одно дело, связи на личном уровне – другое. Если мы посмотрим на южнославянское монашество, то там связи византийского и славянского элементов очевидны, это своего рода взаимоперетекание, исихазм на болгарской почве. Это четко

прослеживается – в том числе по текстам. Видно, как эти тексты перетекают от греков к южным славянам. Но как попадали эти тексты от южных славян на Русь? Здесь все уже гораздо сложнее, потому что те тексты, которые переводились, отражали скорее общеаскетическую традицию, восходящую к самой ранней византийской поре. Это находило отражение и в древнерусской литературе. Но что касается собственно мистической составляющей, столь важной для исихазма, то в XIV и даже в начале XV века она не была так актуальна.

Митрополит Иларион: Вы рассматриваете феномен русского и византийского монашества как светский специалист – извне. И вполне естественно, что Вы ищите причины и их находите во внешней ситуации. Эти причины, безусловно, были. Но только я не думаю, что это были основные причины. Внутренняя духовная жизнь, которая подпитывала монашескую традицию изнутри, в разные времена приобретала разные формы, но при этом всегда сохраняла непрерывную традицию, восходящую к самому раннего монашеству. То есть она не прерывалась с IV века до современности. В этом смысле русское монашество времен преподобного Сергия Радонежского безусловно вписывалось в эту общую традицию, наш ручеек вливался в общее русло реки, которая течет и до наших дней.

Попробуем провести параллель с нашей эпохой. За последние двадцать пять лет у нас было воссоздано или создано заново около 800 новых монастырей. Это колоссальная цифра. И каждый монастырь – это не два и не три монаха или монахини, в одних обителях бывает по десять насельников, в других – по сто, а в иных – по четыреста. Откуда взялись эти монахи? В советское время счет монахов был на единицы, может быть, на десятки, а сейчас счет идет на тысячи. Конечно, есть и внешние факторы – появление религиозной свободы, возрождение интереса к религиозной тематике. Но Вы – как ученый, как специалист в этой области – не можете не понимать, что принятие монашества – это совсем не то же самое, что, например, выбор темы для диссертации. Вы выбираете тему, но продолжаете при этом жить своей прежней жизнью. У вас семья, дети, вы можете ездить в отпуск и так далее. А принимая монашество, человек, по сути дела, жертвует какими-то основополагающими благами и свободами ради некоего высокого идеала. Он приносит свою жизнь в жертву. Когда это единичный феномен, это можно понять и объяснить. Но когда это становится массовым феноменом, внешних факторов уже недостаточно, чтобы его объяснить. И здесь, конечно, нужно говорить о внутренней силе монашества. Эта внутренняя сила очень по-разному проявлялась в разные эпохи, но она совершенно очевидна для нашего XIV века, для времени преподобного Сергия Радонежского, который был, по сути дела, одним из родоначальников монашества уже в Московской Руси. Неслучайно мы сейчас называем его игуменом земли Русской, свидетельствуя тем самым, что его дело продолжается. Основанная им Троице-Сергиева лавра продолжает оставаться крупнейшим монашеским центром нашей Церкви.

С. Иванов: Безусловно, есть традиция, которая не прерывается. Если смотреть с огромной исторической высоты, то, действительно, православное монашество проявляет стабильность многих черт, которые отличают его от западно-христианского монашества. Эти черты проявились еще до разделения христианского Востока и христианского Запада. Западная Римская империя погибла, но варвары, которые ее разрушили, были к тому моменту христианами. Поэтому Церковь на какой-то момент осталась единственным хранителем образованности и какого бы то ни было порядка. В этом смысле очень логично, что в течение веков Церковь и монастыри на Западе воспринимали себя как центры грамотности и образованности, так как вокруг население было неграмотным.

В Византии все было не так. Монастыри устраивались иначе – изначально с некоей подозрительностью к светской образованности, рациональной учености. Часто забывают, что на Русь был перенесен именно монашеский, антисветский характер письменности и культуры. Он

изначально очень силен именно в русском христианстве. Первая письменная культура была христианской, но христианской в ее монашеском изводе, которому присуща некая подозрительностью к античности. Это накладывает отпечаток на весь характер древнерусской духовности, которая, конечно, в свою очередь наложила отпечаток и на последующие века развития духовности в России.

Митрополит Иларион: Действительно, монашеское образование имело антисветский характер, и это было обусловлено тем, что монахи выступали за просвещение, прежде всего, в религиозном понимании этого слова. Светский характер образования монахами не приветствовался. Более того, даже самого представления о том, что образование должно быть светским, тогда не было. Оно появилось уже в Новое время. Но интересно, что и в Византии, и на Руси монашеский идеал, монашеская духовность оказывали и продолжают оказывать большое влияние на людей, живущих в миру. Мне пришлось некоторое время жить и учиться на Западе. Интересно, что такие имена, как Григорий Палама, Исаак Сирин, Иоанн Лествичник, Симеон Новый Богослов, на Западе известны только ученым, специалистам в достаточно узкой области – византологам, сирологам или просто профессиональным теологам. А у нас до сих пор книги этих авторов читают простые люди, причем не только монахи, но и миряне. Мне приходилось видеть в метро людей, читавших, допустим, том Исаака Сирина. И они это делали не из научного интереса, не из чистой любознательности, а потому, что такое чтение дает пользу их уму и сердцу.

Монашеская традиция в лице своих лучших представителей очень щедро делилась своим внутренним богатством с мирянами. Поэтому миряне и приезжали столь часто в монастыри в качестве паломников, за советом к старцам. Почему Оптина пустынь в конце XIX века притягивала даже таких людей, как Лев Толстой, который не мог найти общий язык с Церковью? Но все-таки время от времени он ездил в Оптину пустынь. И последний его уход из семьи, уход в никуда был в том числе и попыткой найти свой путь к оптинским старцам.

С. Иванов: Да, Вы правы. Это очень интересное явление. Между прочим, оно связано еще с одной особенностью восточно-христианского монашества, которое отличает его от западно-христианского. Дело в том, что в сущности, как ни покажется это странным нашим зрителям, монахи – это светские люди. Изначально они не были клириками и даже противополагались им. Конечно, есть иеромонахи, но это, так сказать, отдельный класс людей. Но интересно, что в Византии, а потом и на Руси это так не воспринималось. Например, можно было исповедоваться, в частности, упомянутому Вами и любимому Вами Симеону Новому Богослову. Духовный отец, духовный наставник – это самое главное для христианина, а есть ли у него священный сан – уже не столь важно. Самое главное, что у него была некая санкция свыше, которая считалась превыше инвеституры. У верующих было ощущение, что иерархизм не столь важен, сколь индивидуальное общение с духовным наставником. Упомянутый Вами пример Льва Толстого очень характерен, потому что, видимо, для Толстого Церковь и старцы, духовные наставники, существовали как бы отдельно. С первой он враждовал, а вторых воспринимал как нечто совсем иное, не имеющее отношения к этой церковной иерархии, которая ему была ненавистна.

Митрополит Иларион: Надо сказать, что и сейчас у церковной иерархии, у людей, облеченных высоким саном, сохраняется огромное уважение к старцам, к которым едут люди – иногда десятки и сотни людей. Старцами никто не назначает. На другое служение в Церкви – будь то архиерейское или священническое – можно назначить. И такого человека уважают в силу того, что он назначен на это служение. А вот старцами назначить невозможно. Они откуда-то появляются, и к ним начинаются тянуться люди. Это удивительный феномен, характерный, прежде всего, для восточно-православного монашества, существовал на протяжении веков.

Действительно, с одной стороны, существует апостольское преемство иерархии, цепь

рукоположений от апостолов до иерархов наших дней, которая обеспечивает легитимность церковной власти, а с другой стороны, как бы параллельно, существует эта цепь преемства от учителей к ученикам, которой и была сильна монашеская традиция. Эти цепи нередко – хотя далеко не всегда – пересекались, потому что многие старцы становились иеромонахами и даже архиереями. Я думаю, что их сосуществование и в византийском, и в русском монашестве, и в современной монашеской традиции обеспечивает гармоничное сочетание, с одной стороны, церковной дисциплины, а с другой стороны, внутреннего опыта, который передается от учителя к ученику – будь то от монаха к монаху или от монаха к мирянину.

Хочу поблагодарить Вас за беседу. Я хотел бы в заключение напомнить нашим зрителям, что Вы – автор замечательной книги, которая называется «В поисках Константинополя». Эта книга посвящена Стамбулу – городу, куда многие наши телезрители ездят, но речь в ней идет о другом городе, в значительной степени уже утраченном, – о Константинополе.

Во-первых, я хотел бы Вас поздравить с выходом этой книги, которую я дарю многим своим друзьям. А, во-вторых, хотел бы порекомендовать нашим телезрителям – если они соберутся в Стамбул – приобрести эту книгу: через нее для них откроется удивительный мир этой почти затонувшей «византийской Атлантиды», присутствие которой все еще можно разглядеть в некоторых памятниках и руинах.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/52220/